

Бо Хуай был выше Цзянь Сунъи всего на несколько сантиметров. В обычные дни никто из них не придавал этому значения, но в такие моменты разница казалась просто огромной.

Бо Хуай склонился к нему. Они стояли настолько близко, что почти соприкасались кончиками носов. Чужое тёплое, мерное дыхание щекотало кожу — от него невозможно было уклониться, и ресницы Цзянь Сунъи слегка затуманились от этой влажной теплоты.

При этом его талию всё ещё сжимали чужие пальцы.

Цзянь Сунъи почувствовал, что эта поза выглядит как-то двусмысленно. По крайней мере, сам он ни за что не позволил бы себе подобного жеста ни с одним омегой.

Однако парень напротив убрал свою привычную ехидную ухмылку интеллигентного мерзавца. Лицо его оставалось совершенно спокойным, а золотая оправа очков скрывала янтарный блеск глаз, придавая взгляду отрешённое, почти ледяное равнодушие.

Бо Хуай держался так пристойно, что Цзянь Сунъи невольно засомневался, не слишком ли испорчены его собственные мысли.

В конце концов, они препирались и соперничали больше десяти лет. Скорее всего, Бо Хуай вообще не воспринимал его как омегу. Так с чего вдруг он сам так занервничал?

Неужели после вторичной дифференциации его наконец настиг запоздалый пубертат, и гормоны решили устроить дикие пляски?

Цзянь Сунъи решил, что это никуда не годится. Он ни в коем случае не должен показывать слабость перед Бо Хуаем. Нельзя давать ему заметить это замешательство, иначе тот ни за что не упустит возможности поиздеваться.

Поэтому он напустил на себя самый высокомерный вид, плотно сжав губы, словно благородный молодой господин, которому прислуга помогает одеться.

А пальцы Бо Хуая, намеренно или случайно, провели по его талии — слегка надавливая, но в то же время удивительно нежно. Высокомерный молодой господин мгновенно застыл как струна, а его сердце пропустило удар.

«Да это же издевательство какое-то!»

«Он точно сделал это нарочно».

Цзянь Сунъи вскинул брови, собираясь потребовать объяснений, но Бо Хуай уже убрал руку с его талии. Одной рукой он зажал нужное место на ремне большим и указательным пальцами, а другой достал из кармана портативный дырокол.

Раздался негромкий щелчок, и на ремне в том самом месте появилось аккуратное отверстие. Ещё пара щелчков — и пряжка, с которой Цзянь Сунъи безуспешно мучился столько времени, наконец легко застегнулась.

Закончив, Бо Хуай не произнёс ни слова. Он спокойно повернулся к столу, опустил на него рюкзак, оставив Цзянь Сунъи созерцать свою невозмутимую спину. Благородный герой, скрывшийся в тени после великого подвига.

Цзянь Сунъи опустил взгляд и примерился. Ремень сидел идеально.

«Значит, он просто прикидывал размер?»

Цзянь Сунъи укорил себя за излишнюю подозрительность. Ему стало немного неловко, что он снова приписал Бо Хуаю дурные намерения. Помявшись, он тихо буркнул:

— Эм... Ну, спасибо, в общем.

— Пустяки, — ровно ответил Бо Хуай, даже не обернувшись.

Настоящий благородный муж, чистый как вода.

Однако, стоя спиной к другу, Бо Хуай задумчиво потёр кончики пальцев и тихо усмехнулся.

«Всё-таки не удержался. Грех было не воспользоваться такой возможностью».

Цзянь Сунъи, ставший жертвой этого мимолётного коварства, пребывал в блаженном неведении. Испытывая смесь благодарности и лёгкого чувства вины, он принялся крутить пряжку и спросил:

— А откуда у тебя дырокол для ремня?

— Днём я видел, как Юй Цзыго примерял форму. Подумал, что твоя талия вряд ли намного шире, вот и заскочил купить.

Так вот почему он тогда пропал на какое-то время.

«И откуда у Бо Хуая эта дотошность? Заботится обо всех мелочах, словно старая ведьма».

Цзянь Сунъи не нашёлся что ответить. Он молча возился с ремнём, а когда наконец разобрался и расстегнул его, Бо Хуай бросил ему дырокол.

— Зачем мне это? — Цзянь Сунъи ловко поймал инструмент.

— Отнеси Ян Юэ.

— Упитанному Ян Юэ он вряд ли пригодится.

— Пусть передаст Юй Цзыго.

— А почему бы тебе самому не отдать его Юй Цзыго?

—...

Бо Хуай поднял взгляд и молча уставился на совершенно искреннее недоумение на лице Цзянь Сунъи. Он созерцал эту картину целых десять секунд, после чего, словно смирившись с судьбой, вздохнул:

— Просто отнеси его Ян Юэ, и всё.

Да уж, порой Цзянь Сунъи соображал не лучше одноклеточного — брось его в стакан с газировкой, он и там умудрится захлебнуться.

Заметив взгляд Бо Хуая, который так и кричал: «Ты что, дурак?», Цзянь Сунъи уже приготовился взорваться. Но вовремя вспомнил, что только что несправедливо обвинил друга, а тот ему помог, и заставил себя успокоиться.

— А тебе самому разве он не нужен? — спросил он, лениво подбросив дырокол на ладони.

Бо Хуай протянул к нему руку, разведя большой и указательный пальцы на пару сантиметров:

— Видишь?

—?

— Моя талия как раз на столько шире твоей. Так что мне без надобности.

—...

Цзянь Сунъи невольно скользнул взглядом по талии Бо Хуая, вспомнив рельефные мышцы, которые мельком разглядел в больнице. Приходилось признать: этот парень был не просто выше, но и заметно крепче сложен. В одежде он казался стройным и даже худощавым, но стоило ему раздеться, как взгляду открывалось идеальное тело альфы.

«Выпендривается. Издевается. Нарочно ведь это сказал!»

Цзянь Сунъи набрал в грудь воздуха, готовый высказать всё, что думает, но его наглым образом прервал потрясённый возглас.

— Боже мой! Брат Сун! Вы заперлись в комнате вдвоём и меритесь... этим?!

—?

«Чем это мы меримся?!»

— И ты ещё и проиграл! Офигеть!

Ян Юэ в ужасе прижал ладони к пухлым щекам. Округлив глаза, он во все лопатки уставился на ширинку Бо Хуая с явной смесью шока и зависти.

—...

—...

— Пошёл вон! — рявкнули они в один голос.

— Хнык... — Ян Юэ обиженно надулся. — Я же просто пришёл предупредить, что после одиннадцати отключат горячую воду. Если хотите помыться, поторопитесь. А вы на меня кричите!

Зрелище того, как парень весом под восемьдесят килограммов пытается капризничать и дуть губы, было поистине жутковатым.

Ян Юэ, однако, этого не замечал:

— Ну так что, Брат Сун, Дедушка Бо, пойдёмте в душ вместе? Я тоже хочу помериться!

—...

— Забирай этот дырокол и катись к своему Юй Цзыго, — ледяным тоном произнёс Бо Хуай, выхватил инструмент у Цзянь Сунъи и всучил его Ян Юэ. — Живо. Иначе тебя отсюда вынесут вперёд ногами.

— У-у-у... — Ян Юэ трусливо попятился к выходу, но у самой двери жалобно вцепился в косяк и обернулся с обиженным видом: — Мы же тройка лучших учеников на параллели! Почему вы вечно меня игнорируете? В спор на первое место меня не взяли, теперь вот мериться длиной не зовёте... Вы что, сговорились против меня? Бойкотируете? Презираете?!

— Да, — снова в один голос отрезали парни.

Ян Юэ завис на три секунды, после чего предпочёл поскорее покинуть эту обитель скорби.

Наученный горьким опытом, Бо Хуай первым делом запер дверь на замок, а затем повернулся к Цзянь Сунъи:

— Ну и что думаешь делать с душем?

Даже если бы Цзянь Сунъи не был омегой, ни он, ни Бо Хуай — два избалованных молодых господина — ни за что не согласились бы мыться голышом в толпе других парней в общественной бане. А уж теперь, когда Цзянь Сунъи официально стал омегой, об этом и речи быть не могло.

— Пойдём после одиннадцати, делов-то, — ответил он не задумываясь.

В начале осени для парней их возраста ополоснуться прохладной водой не составляло труда. Бо Хуай согласился и кивнул:

— Ладно, разбирай вещи, а я ненадолго отойду.

Когда он вернулся, в его руках красовались два доверху наполненных термоса и пара пластиковых тазов. Этого запаса вполне хватало, чтобы наспех организовать тёплую воду.

Цзянь Сунъи порой искренне поражался: откуда у Бо Хуая берутся все эти бытовые навыки? Ведь он вырос в такой же роскоши и достатке, но умел абсолютно всё. Любые трудности он щёлкал как орешки, делая это с таким непринуждённым изяществом, что казалось, никаких проблем и вовсе не существовало. На его фоне сам Цзянь Сунъи выглядел беспомощным мажором, неспособным позаботиться о себе.

Если говорить начистоту, то, за вычетом ядовитого языка и коварного нрава, Бо Хуай был практически идеален. Сколько бы он ни раздражал Цзянь Сунъи, злиться на него по-настоящему не получалось — это выглядело бы глупо и несправедливо. К тому же Бо Хуай порой проявлял такую искреннюю заботу, что весь гнев мгновенно улетучивался, так и не

успев вырваться наружу.

«Бо Хуай... Ну и хитрая же ты, блядь, бестия!»

Впрочем, внутренние ругательства не помешали молодому господину Цзяню без зазрения совести воспользоваться горячей водой, добытой этой самой «бестией».

К счастью, душевые на базе оказались не совсем варварскими: вместо единого открытого пространства там стояли перегородки, делившие зал на отдельные кабинки. По крайней мере, никто не мог разглядывать чужие прелести.

После одиннадцати горячую воду отключили, и в душевой не осталось ни души. Цзянь Сунъи забился в самый дальний угол — там он чувствовал себя спокойнее. Бо Хуай занял соседнюю кабинку.

— Эй, ты чего прижался? Подглядывать вздумал? — буркнул Цзянь Сунъи просто из вредности.

— Ты гель для душа взял? А шампунь? Или пенку для умывания? — невозмутимо поинтересовался Бо Хуай, раскладывая свои флаконы.

—...

«Чёрт, действительно забыл».

Раньше его чемоданы всегда собирала экономка, но на этот раз за дело взялась госпожа Тан. А эта благородная дама... в общем, приставить к вещам средства гигиены она явно не догадалась.

— Ну и как ты собираешься мыться? Или планируешь со своей драгоценной голой задницей топтать через всю душевую ко мне за шампунем? — Бо Хуай тем временем неторопливо разбавлял воду в тазу, проверяя температуру.

Цзянь Сунъи уже открыл рот, чтобы выдать какую-нибудь колкость, но...

— Держи, — Бо Хуай аккуратно протянул таз через верхний край перегородки. — Вода в самый раз. Мойся пока, а я подготовлю ещё одну порцию погорячее, ополоснёшься в конце.

...

Все заготовленные шпильки застряли у Цзянь Сунъи в горле.

Опять. Этот парень опять за своё!

— Спасибо, — пробормотал Цзянь Сунъи, принимая таз. Кончики его ушей предательски покраснели.

— Пользуйся, — отозвался Бо Хуай.

Он слегка кивнул и открыл холодную воду. Запрокинув голову под струи, Бо Хуай позволил им намочить свои светло-каштановые волосы. Вода стекала по его точеным скулам, задерживаясь на родинке-слезинке у внешнего уголка глаза, и сбегала по линии челюсти вниз. Он поднял руку и небрежно взъерошил влажные пряди. Под холодными брызгами рельеф плеч и шеи проступил ещё отчётливее.

Всё, что было ниже, скрывала глухая деревянная перегородка.

Цзянь Сунъи залип на эту картину секунды на три, а потом резко пришёл в себя. Неужели он только что мысленно проклял доски за то, что они мешают ему рассмотреть соседа пониже?!

«Какого хрена?! Я что, расстроился, что не вижу его целиком?»

«Наверняка во всём виноваты гормоны. Организм ещё не перестроился после дифференциации, вот меня и заносит. Я тут ни при чём».

Он торопливо крутанул вентиль душа и встал под холодные струи, пытаясь остудить голову.

Однако перед глазами то и дело всплывала та родинка у глаза Бо Хуая. Влажная, она казалась чертовски привлекательной. Пожалуй, даже сексуальной.

Цзянь Сунъи до упора открыл воду.

«Пиздец. У меня даже вкусы испортились».

Водные процедуры вышли сомнительным удовольствием, но дело было сделано.

На следующий день подъём намечался в шесть утра, а в половину седьмого уже требовалось стоять на плацу в полной готовности. Вернувшись в комнату, парни не стали тратить силы на подначки и сразу легли.

Комнатка оказалась крошечной — от силы метров десять. Две узкие армейские кровати стояли друг напротив друга на расстоянии меньше шага. Ширина лежа едва достигала метра с небольшим, а о хлопковом белье или мягких пуховых матрасах здесь никто и слыхом не

слыхивал. В столь спартанских условиях молодой господин Цзянь не ночевал ещё никогда в жизни.

И хотя он лёг пораньше, сон упорно не шёл. Он ворочался с боку на бок, пытаясь устроиться поудобнее, отчего железный каркас кровати при каждом его движении противно и громко скрипел.

— Кровать слишком жёсткая? — не выдержал наконец Бо Хуай. Всё это время он лежал неподвижно, глядя в потолок и слушая бесконечную возню соседа.

— Нормальная, — буркнул Цзянь Суньи из-под одеяла.

— Подвинься, — Бо Хуай поднялся, сгрёб своё одеяло в охапку и подошёл к его постели.

—?

— Сложим моё одеяло под тебя вторым слоем, будет помягче.

— Не нужно. Я не сахарный, не растаю. Не стоит ради меня так корячиться, — Цзянь Суньи послушно замер.

«Что-то Бо Хуай стал слишком уж заботлив в последнее время. С чего бы это?»

— Ты ворочаешься так, что кровать ходит ходуном и скрипит на всю комнату. Из-за тебя я тоже не могу уснуть, а завтра мне бы не хотелось проспать построение.

—...

«Ну конечно. Опять я раскатал губу. Ему просто мешает скрип».

— Всё, я затих. Ложись спать.

Бо Хуай продолжал стоять над душой с одеялом в руках, явно не собираясь уходить. Цзянь Суньи вздохнул и нехотя признался:

— Да не в жёсткости дело. Мне просто жарко. Кожа зудит как-то... неприятно в общем.

— Жарко?

Бо Хуай нахмурился. Присмотревшись при бледном свете луны, он заметил, что Цзянь Суньи

действительно сбросил одеяло, оставив прикрытым лишь один край.

На дворе стояло начало сентября. В Наньчэне в это время ночи бывали довольно прохладными, а уж здесь, в холмистой загородной глуши, и подавно сквозило сыростью. С чего бы ему изнывать от жары?

— Может, я простудился под холодным душем? Вдруг это температура поднимается? — пробормотал Цзянь Сунъи, прижимая ладонь к собственному лбу.

— При жаре обычно бьёт озноб.

Бо Хуай отложил одеяло и наклонился к нему. Одной рукой он упёрся в край кровати, а ладонь другой мягко прижал к его лбу.

— Кожа тёплая, но на лихорадку не похоже. Голова не кружится? Не болит?

Цзянь Сунъи слабо качнул головой.

Бо Хуай задумался на секунду, а затем спросил:

— Ладно. А кроме жара ты чувствуешь что-нибудь ещё?

— Просто... всё тело горит. И слабость жуткая, даже пошевелиться лень. Мышцы совсем не слушаются.

Голос у него и впрямь звучал непривычно тихо и вяло — сонный, капризный, он больше походил на тихое ворчание уставшего ребёнка.

Бо Хуай склонился ещё ниже, приблизив лицо к самой шее Цзянь Сунъи, и осторожно втянул носом воздух.

От такой близости Цзянь Сунъи мгновенно прошиб озноб. Инстинкты велели немедленно оттолкнуть наглеца, но какая-то неведомая сила заставила его замереть, не позволяя убрать руки.

Бо Хуай не стал задерживаться. Он быстро отстранился и внимательно, с чисто врачебным хладнокровием взгляделся в лицо друга:

— Кроме слабости и жара... у тебя во рту не пересохло? В мыслях нет путаницы? Способен сосредоточиться или разум ускользает? И... не появилось ли какого-то странного желания? Желания сделать глупость?

Стоило Бо Хуаю озвучить эти симптомы, как Цзянь Сунъи осознал: всё сходится один в один. Более того, неприятные ощущения нарастали с пугающей скоростью. Он до боли прикусил губу, пытаясь совладать с собой.

Бо Хуай заметил его реакцию и тихо приказал:

— Посмотри на меня.

— А? — недоуменно отозвался Цзянь Сунъи, но послушно поднял глаза.

В полумраке комнаты серебристый лунный свет, льющийся из окна, мягко очерчивал безупречные черты Бо Хуая. В этом приглушённом сиянии его холодная красота казалась одновременно строгой и волнующей.

«А ведь он и правда чертовски красив. Странно, что я раньше этого не замечал».

— Тебе ведь кажется сейчас, что я очень привлекательный? Что от меня невозможно отвести взгляд?

—?!

«Какого... Откуда он узнал?! Он что, мысли читает?!»

— По глазам вижу, что угадал, — удовлетворённо кивнул Бо Хуай.

—...

Не дав Цзянь Сунъи обозвать себя самовлюблённым индюком, Бо Хуай поднёс своё запястье к самому его носу:

— Понюхай.

«Ещё чего, буду я его обнюхивать!»

Однако тело решило иначе: Цзянь Сунъи сделал короткий вдох.

«Боже, какой потрясающий запах...»

Привычный прохладный аромат, который он знал уже тысячу лет, теперь ощущался совершенно иначе — дразнящим, дурманящим, неодолимо манящим. Теряя контроль, Цзянь

Сунъи жадно вдыхал его снова и снова. Жар внутри вспыхнул с новой силой, но оторваться было выше его сил. Пальцы сами собой обхватили запястье Бо Хуая, пытаясь притянуть его ближе.

Глядя на его реакцию, Бо Хуай окончательно во всём убедился. Опираясь на край кровати, он завис над ним в считанных сантиметрах, с нескрываемым интересом разглядывая покрасневшее лицо Цзянь Сунъи и его затуманившийся, растерянный взгляд. Искушать, даже не осознавая этого — истинное преступление.

Он медленно заговорил. Его низкий, бархатистый голос в тишине комнаты прозвучал чарующе и вкрадчиво:

— Мой дорогой прекрасный омега, неужели ты до сих пор не понял? У тебя начался период гона.

—...

—?

—!

— Бо Хуай, твою мать! Зачем ты стягиваешь с меня одеяло?! Животное, ты что творишь?!

<http://bllate.org/book/20583/2145989>